

— Почему ты попросила его помочь? — закричал Лит на Скарлетт, его ярость достигла пика. — Ты знала, что он никогда не путешествовал за пределы леса Траун! Это было слишком сложным заданием для него, почему ты просто не оставила его в покое?

Вина Скарлетт уже пожирала её изнутри, она не могла ответить Литу, потому что она думала так же. Однако когда она почувствовала небольшую дрожь в земле, она была вынуждена заговорить.

— Ты прав, это всё моя вина. Теперь, пожалуйста, постарайся успокоиться.

— Успокоиться? — рёв Литы сопровождала ещё одна дрожь, на этот раз достаточно сильная, чтобы все её почувствовали.

Вся его мана кипела гневом, магия тьмы исходила от каждого дюйма тела Литы, распространяя убийственное намерение безумного зверя, отчаявшегося до такой степени, что он был готов пожертвовать собой ради одного шанса укусить своего врага.

Все профессора могли почувствовать это на своей коже. Те, которые были серьёзно ранены после недавнего боя, еле могли устоять на ногах, оказались в холодном поту, отступая шаг за шагом.

Даже тело Линьоса отреагировало инстинктивно, приготовив заклинание, чтобы противостоять неизбежной угрозе смерти.

«Я читал отчёты, описывающие его свирепость, но это не слышано для кого-то его возраста. Его мана источает такое влиятельное давление, что нормальный человек уже убежал бы из страха».

Махнув своей лапой, Скарлетт призвала Варп-ступени и отправила всех людей обратно к своим комнатам, и сразу запечатала пространство вокруг шахтёрского городка, чтобы предотвратить использование пространственной магии. Быть владыкой леса было чем-то намного большим, чем просто титул. Как академия наделяла своего главу силой, так и лес наделял своего владыку. Это как быть Хранителем, но вместо того, чтобы быть признанным волей планеты, хозяин леса имел очень ограниченную область влияния и гораздо меньшие силы. В противном случае Скарлетт просто уничтожила бы армию Балкора в одиночку.

— Ты можешь попросить меня успокоиться только после того, как я оторву твой хвост и заставлю тебя его съесть! — масса облаков начала собираться в небе.

Скарлетт знала, что надвигается мировое бедствие. Это было причиной, по которой она отправила всех людей подальше. Хотя она понятия не имела, что вызывает бедствие, но ответственный за него должен быть защищён. Даже если бы он был молодым человеческим Гибридом на грани безумия.

— Лит, пожалуйста, остановись, — закашлял Защитник. От его голоса гнев Лита превратился в боль. Такую боль он не испытывал, с того времени как умер Карл. — Ты хоть думаешь, что творишь? Я позвал тебя не затем, чтобы ты превратился в нового Балкора. Месть ничего не решает. Ты вообще обращал внимание на мои слова, когда я говорил с тобой?

Защитник попытался засмеяться, но вскоре смех превратился в сухой кашель, который заставил его отхаркивать чёрную кровь.

— Я просто хотел попрощаться и попросить тебя об услуге. Пожалуйста, скажи Селии, что я прошу у неё прощения. Также придумай одну из своих нелепых историй, чтобы объяснить ей, как я погиб. Скажи ей, что я бы никогда не оставил её так, — несколько слёз потекли из глаз сколла, прежде чем исчезнуть под его мехом. — Пожалуйста, позаботься о нашем детёныше. У меня никогда не было ни одного с человеком, я даже не знаю, кого в конечном итоге они напоминают больше: их мать или отца. Самцу или самке, ему понадобится твоя помощь.

— Почему все хотят, чтобы я позаботился об их потомках? — крик Лита вызвал несколько вспышек молний, которые на мгновение осветили небо. — Я не хочу! Я ненавижу детей! Живи и заботься о них сам.

Лит обнял тело Защитника, рыдая навзрыд.

— Ты первый друг, который когда-либо у меня был. Ты можешь быть магическим зверем, но ты всегда был как брат для меня. Ты всегда относился ко мне как взрослый, раздражая меня своими мудрыми словами и пытаясь заставить меня стать лучшим человеком, чем я есть. Почему ты оставляешь меня? Почему?

— Это не то, чего бы я хотел, — дыхание Защитника ухудшилось, каждый вдох был борьбой. — Просто иногда ты не можешь победить. Смерть является частью жизни.

— Мне уже осточертела такая жизнь, которая пытается вырвать у меня то, что принадлежит мне! — Лит проигнорировал Защитника, сосредоточив внимание только на Бодрости и истекающем ядре маны. — Сначала, я не был достаточно взрослым, чтобы защитить моего брата. Затем я не был богатым и достаточно сильным, чтобы даже дать ему справедливость, которую он заслуживал. После этого я был слишком слаб, чтобы лечить Тисту, что заставило меня наблюдать за её страданиями годами!

Чёрная чешуя заменила открытую кожу Лита вплоть до шеи, оставив только его лицо. Его пальцы выросли в длину и теперь заканчивались острыми когтями. Глаза Лита теперь были бесчеловечны. У них не было зрачков, радужек или склер, остался только горящий синий свет.

— Теперь я достаточно силён!

Лит использовал Бодрость, чтобы призвать мировую энергию, не используя её для укрепления самого себя, а для того, чтобы окружить с её помощью ядро Защитника и остановить утечку.

Он только что понял, что, в отличие от ядра ребёнка во время чумы, ядро Защитника ещё не стало серым.

Его ярко-жёлтый цвет дал Литу надежду и силу, чтобы попытаться сделать свой рискованный ход. Сделав всё возможное, чтобы предотвратить дальнейшее ослабление повреждённого ядра, он начал формировать искусственное ядро, как Калла показывала ему несколько часов назад.

Вместо того, чтобы создавать его из света и тьмы, он использовал окружающую мировую энергию и всю ману Защитника, которую только смог вместить. Было невероятно трудно этого достичь. Он не мог заставить ману делать что-либо, не рискуя загрязнить её своей собственной, отчего ядро Защитника бы отторгло её. Лит мог только медленно и аккуратно направлять её к своему пункту назначения, убедившись, что она не исчезает, защищая её от всех внешних воздействий.

Мировая энергия естественным образом бесформенна как вода, она принимала сигнатуру того, кто смог вызвать её силу. Поскольку всё больше и больше маны Защитника достигало поддельного ядра, оно начало мутировать, пока две энергетические сигнатуры полностью не совпали.

Лит испытывал невероятное количество боли. Не только потому, что его тело уже пострадало и его ядро маны работало на парах, но и потому, что он должен был впитать все примеси, которые мировая энергия содержала в себе, чтобы сформировать фальшивое ядро, что позволило бы только самой чистой и сильной мане стать частью его творения.

Лит принял боль с радостью, это было ничто по сравнению с тем, что пустота сделала с ним за годы после смерти его брата.

Последний шаг был самым опасным. Лит знал, что магии света было недостаточно, чтобы совершить слияние ядра Защитника и фальшивого ядра. Так же, как во время зачарования, ему нужно было что-то, чтобы связать заклинание с предметом.

Так как ничего не осталось, он использовал свою собственную жизненную силу, как инструмент для достижения своей цели. Когда энергия Лита возродила искру души Защитника, Лит буквально пережил жизнь сколла с момента его рождения.

Радость встречи с его первым партнёром, рождение и воспитание щенков, за которым идёт боль потери щенков от болезни, голода или руки охотников. Лит мог почувствовать, насколько счастливым был Защитник, когда он столкнулся с Селией, насколько сильным было его желание обрести новую семью. Такое счастье было тем, что, Лит твёрдо верил, у него самого никогда не будет, поэтому он продолжил. Он потреблял всё больше и больше энергии, несмотря на то, что все его тело кричало от боли, умоляя его остановиться, и его ядро начало растрескиваться.

Скарлетт наблюдала весь процесс в благоговении. Часть её надеялась, что он добьётся успеха. Ещё одна часть её надеялась на то, чтобы избавиться от опасного неизвестного фактора,

который представлял Лит. Тем не менее Скарлетт всем своим существом ненавидела волю мира, потому что она просто стояла там и ничего не делала.

«Я прошла через свою долю испытаний, но всё ещё не могу понять, почему их так называют. Это не так, мир не проверяет вас или что-то в этом роде, он просто наблюдает за тобой, пока худшее дерьмо не случится с твоей жизнью. Либо ты выживешь, либо умрёшь, он никогда не вмешивается, как будто наша жизнь — это не что иное, как интермедия».

Со своего трона в подземелье, Тайрис почувствовала второе пришествие бедствия.

— Снова эта аномалия, — подумала она вслух. — Будет лучше, если я пойду проверю, прежде чем другие начнут дёргать меня за отсутствие информации.

Она встала, появившись прямо перед Скарлетт. Хранителю было легко прорваться через пространственную печать скорпикоры.

— Что это означает, владыка леса? — спросила она.

Скарлетт инстинктивно опустилась на колени, объясняя Тайрис всё, что произошло в эту ночь.

— Понятно. Очередная мерзость, похоже на гибрид. Но этот не является искусственной фальшивой мерзостью, больше похоже на головоломку, собранную из разных частей. Он проходит уже второе бедствие, я бы не волновалась на твоём месте.

Тайрис пожала плечами, готовясь уйти.

— Подождите, госпожа. Что вы имеете в виду? — Скарлетт была шокирована её безразличием. В отличие от Каллы и Защитника, она не имела привязанности к Литу, но он всё ещё был ребенком, который пытался спасти своего дорогого друга.

После того, как она была свидетелем стольких смертей за одну ночь, она не могла понять, как Хранитель может уйти, даже не пошевелив пальцем. Тайрис легко могла бы спасти их обоих.

— Ты действительно не знаешь? — Тайрис повернулась, поднимая бровь в неверии. — Бедствия случаются постоянно со зверями, людьми, растениями и нежитью. Каждый день. Они

случаются всякий раз, когда Могар, мир, в котором мы живём, думает, что кто-то может быть полезен для его целей. Во время каждого бедствия Могар оценивает ценность кандидата через его действия. Успех или неудача полностью зависят от кандидата. Первое бедствие обычно зависит от квалификации, в которой заинтересован мир. Второе и обычно последнее — от самоконтроля.

— Какой самоконтроль? — Скарлетт была ошеломлена. — Малыш убивает себя, сжигает свою собственную жизнь, в то время как мы говорим! Разве бедствие не должно закончиться неудачей?

— Ты абсолютно неправильно поняла природу бедствий, — весело захихикала Тайрис. — Талант бесполезен, если кто-то позволяет ему контролировать свою жизнь, как делают почти все живые существа. Мой талант — вдохновить изменения, но его можно легко превратить в приносящий хаос, если бы я никогда не была довольна балансом и не давала изменениям полностью вступить в силу, чтобы доказать их ценность. Талант Лигейна — это знание и сохранение. Но просто представь, насколько было бы легко превратить его в жадность, копить всё и каждую форму жизни для себя, превратившись из хранителя мира в его надсмотрщика. Салаарк воплощает желание править и быть лидером, но она могла бы так же легко стать тираном, одержимым мировым господством. Самоконтроль, о котором я говорю, он о том, есть ли воля у кандидата, чтобы противостоять побуждению, которое подталкивает его талант на противоположную сторону. Взять, например, ребёнка. Судя по его первым двум бедствиям, мир, кажется, выбрал его для убийства многих людей, но он проверяет, является ли он просто бездушным монстром, или у него есть желание выбрать более сложный путь и дарить жизнь вместо смерти. Мы все служим балансу. Нет необходимости для Хранителя уничтожения, разумные расы уже делают отличную работу сами по себе. Вот почему вам не нужно беспокоиться. Если он преуспеет в прохождении всех бедствий, мы просто получим ещё одного Хранителя.

— Что если он потерпит неудачу? Длительное воздействие мировой воли уже настолько изменило его, — упрекнула Скарлетт, указывая на чешую, покрывающую тело Лита. — Разве вы не боитесь того, что он сможет сделать, если ему удастся контролировать такую силу?

— Нет, — покачала головой Тайрис. — Это просто иллюзорное обещание оплаты. Насколько я знаю, ты прошла все свои бедствия. Ты стала сильнее?

— Нет. Я научилась менять форму, но моя сила всегда одинакова, независимо от формы, в которой я нахожусь.

— Верно. Пока он не станет Хранителем... — хихикнула Тайрис, — он просто останется тем, кем он есть. Хотя, если он потерпит неудачу, он умрёт. Всё просто. Нет никаких «сделать больше» с такой вещью как бедствие. Количество бедствий меняется от человека к человеку, но большинство проваливается на втором. Даже если он и преуспеет, он может потерпеть неудачу в следующем, или в последующем после него.

Тайрис исчезла, оставив Скарлетт более нервной, чем когда-либо.

— Отлично. Теперь мне приходится беспокоиться не только о Биче и Защитнике, но и о себе! Я никогда не предполагала, что бедствия могут быть такими опасными. Боги, как бы я хотела, чтобы Калла была здесь. Она бы знала, что нужно делать.

— Она сказала бы «двигай своей оснащённой жалом задницей и помоги ребёнку». Ты всегда ноешь, что мир такой равнодушный, а сама тоже стоишь на месте и ничего не делаешь. Какая разница между вами? — сказала Калла прихрамывая.

Скарлетт вздрогнула при её появлении, но быстро восстановилась и сделала как было поручено. Лит уже потребил несколько лет своей продолжительности жизни, чтобы сохранить Защитника в живых, и его ядро тоже было на грани разлома.

Тем не менее ему удалось достаточно хорошо исправить ядро Защитника, чтобы позволить Скарлетт закончить его работу. Она спасла их обоих, прежде чем допросить призрака.

— Как ты выжила в этом взрыве?

— Во-первых, как ты должна знать, никто не может пострадать от своей собственной маны. Так что единственный ущерб, который я получила, был от перегрузки моего ядра. Это был рассчитанный риск. Мои шансы на выживание были довольно хороши, так как моя неживая природа делает меня очень трудной целью для убийства любыми доступными способами. В отличие от тебя, я никогда не доверяла словам людей и не недооценила безумного некроманта. У меня был план действий в чрезвычайных ситуациях на случай, если я буду загнана в угол и ещё один в случае моей смерти, — Калла ссылалась на обещание Лита.

— Разве ты не имеешь в виду твою частичную природу нежити? — скорректировала Скарлетт её друга.

— А я уже упоминала, что все некроманты немного безумны?

Калла использовала Бодрость для дальнейшего процесса своего исцеления, раскрывая шокированной скорпикоре, что её тело удерживало как ману, так и кровавое ядро.